

К 600 - Л Е Т И Ю О С Н О В А Н И Я О Б И Т Е Л И

Ферапонтов монастырь

в ликах и лицах

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕРАПОНТ • 8 (АКАФИСТ • 83)
ПРЕПОДОБНЫЙ МАРТИНИАН • 15 АРХИЕПИСКОП
ИОАСАФ • 20 БЛАЖЕННЫЙ ГАЛАКТИОН • 31
ПРЕПОДОБНЫЙ КАССИАН ГРЕК • 33
ИКОНОПИСЕЦ ДИОНИСИЙ • 36 МИТРОПОЛИТ
СПИРИДОН-САВВА • 40 СТАРЕЦ ВАРЛААМ-ДОБРОПИСЕЦ • 43
ЕПИСКОП ФИЛОФЕЙ • 44 СТАРЕЦ ПАИСИЙ • 47
ПАТРИАРХ НИКОН • 55 МИТРОПОЛИТ АРСЕНИЙ
МАЦИЕВИЧ • 66 СВЯЩЕННИКИ АРСЕНИЙ
И ПАВЕЛ РАЗУМОВСКИЕ • 70
ИГУМЕНΙΑ ТАИСИЯ • 74

Православное
издательство
"Родник"
Москва, 1998

1274421

И К О Н О П И С Е Ц
Д И О Н И С И Й

Труднее всего, пожалуй, писать о том удивительном чуде, которое сохранилось в Ферапонтовом монастыре к XX веку, — о фресках Дионисия. Исследований на эту тему составлено немало, но о самом иконописце известно немногое [21; 22]. Обнаруженные в последние годы монастырские синодики (поминальные книги) с записями рода Дионисия не дают достаточных оснований для суждений о его происхождении. Остается неизвестным, когда и где он родился, когда умер и где погребен.

По отзывам современников Дионисия, уже в 1470-х годах он считался самым знаменитым среди русских иконописцев. Работы его ценились очень дорого. Так, Коломенский владыка Вассиан (Топорков) дал по себе на поминование в Иосифо-Волоколамский монастырь три иконы Дионисия, и во вкладной книге монастыря было вписано, что помянуть следует, “доколе монастырь Пречистыя стоит”.

Первое упоминание об одной из ранних работ Дионисия содержится в летописном своде, составленном в Москве при великом князе Иоанне III. В нем под 1477 годом помещено “Сказание о Пафнутии Боровском”, где сообщается о построенном преподобным храме и о “чудной” его росписи. Однако имена мастеров великокняжеским летописцем опущены. На авторство старца Митрофана и Дионисия указал архиепископ Ростовский Вассиан (Санин) в житии преподобного Пафнутия Боровского, которое он составил. Поименовав иконописцев, он дал им высочайшую оценку, назвав “пресловущими [прославленными] тогда паче всех в таком деле” [21, 178].

Другая крупная работа Дионисия отмечена в “Сказании о Каменном монастыре”, составленном Паисием Ярославовым (умер в 1501 году). Сказание заканчивается известием о постройке в 1481 году вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим ка-

менного собора, для которого угличский князь Андрей Васильевич пожертвовал “деисус Дионисиева письма”. Деисус этот сгорел при пожаре монастыря в XVIII веке [21, 180].

Первое летописное упоминание имени Дионисия встречается в Львовской и Софийской летописях под 1481 годом: “Того же лета владыка Ростовский Васьян дал сто рублев мастером иконником Денисью, да попу Тимофею, да Ярцу, да Коню писати деисус в новую церковь святую Богородицу, иже и написаша чудно вельми, и с праздники, и с пророки”. Речь идет об Успенском соборе Московского Кремля [21, 180].

Ряд летописей упоминают также, что в 1482 году Дионисий обновил образ Богоматери “Одигитрия” для московской церкви Вознесения, поврежденной при пожаре. Сгорел красочный слой и оклад иконы, а доска сохранилась. Позже эта же икона чудом уцелела во время страшного пожара 1547 года в Вознесенском монастыре.

В 1479 году по заказу преподобного Иосифа Волоцкого Дионисий написал иконы для первой (деревянной) Успенской церкви основанного Иосифом монастыря. Затем для нового каменного храма написал иконостас, а спустя еще несколько лет расписал его фресками вместе с сыновьями Владимиром и Феодосием при участии Паисия-инока и “братаничей” (племянников) преподобного Иосифа — иноков Досифея и Вассиана Топорковых.

В летописях есть упоминания и о погибших при пожаре 1547 года фресках Дионисия в Спасской церкви Чигасова монастыря в Москве. Сохранились три иконы из иконостаса, созданного иконописцем в 1500 году для Троицкого собора Павло-Обнорского монастыря. Исследователи предполагают, что его рукой написаны и некоторые иконы из Успенского собора города Дмитрова, и икона преподобного Дмитрия Прилуцкого из Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, и фрески Воскресенского собора Волоколамска, но подтверждающие это письменные источники пока не найдены.

Особенное значение для духовного роста Дионисия имело влияние выдающихся подвижников — его современников, в частности преподобных Пафнутия Боровского и Иосифа Волоцкого. Иконописец работал в монастырях, имеющих богатый опыт высокой монашеской жизни. В их числе был и Ферапонтов монастырь. Время росписи в нем собора Рождества Богородицы — это время учеников преподобного Мартиниана — блаженного Галактиона, архиепископа Иоасафа и других последователей святого. Близкое соседство монастыря преподобного Кирилла Белозерского и скита

преподобного Нила Сорского создавало ту духовную атмосферу, которая определила наименование Белозерья Северной Фиваидой.

Однако деятельность иконописца в монастырях протекала в обстановке прямого конфликта некоторых видных иерархов Церкви с великокняжеской властью, попускавшей распространение ереси. По этой причине владыка Иоасаф оставил Ростовскую кафедру. По этой же причине преподобный Иосиф Волоцкий оставил Пафнутьево-Боровский монастырь, где был игуменом, и основал новый монастырь во владениях брата великого князя Иоанна III — князя Бориса Волоцкого. Примечательно, что в 1480-х годах преподобный Иосиф составил обширный трактат “Послание иконописцу”. “Послание” и следующие за ним три “Слова” адресованы старому знакомому, “возлюбленному и духовному брату”, “начало художнику сущу божественных и честных икон живописанию” — эти и подобные обращения преподобного позволяют видеть в их адресате иконописца Дионисия [23, 323]. Появление “Послания” предшествовало противоеретическому Собору 1490 года, в нем освещались наиболее важные вопросы, возникавшие в ходе споров с еретиками.

Составитель “Послания” обличает еретичествовавших за стремление “обрезаться в жидовскую веру”, за почитание ими субботы и отрицание икон, как “идолов”. Поклонение иконам, пишет автор, не есть что-то противоестественное — оно присуще человеческой природе и побуждает ее совершенствованию. Главное в иконах — их божественный смысл, они отражают истинную, духовную, а не материальную реальность, и в этом их отличие от эллинских идолов. Но дурно написанные иконы искажают истину и не могут считаться святыми, а сотворивший “недостойное” ее подобие — согрешит.

Это созвучно позднему положению Стоглава (сборника постановлений церковного Собора 1551 года, разделенных на 100 глав) о живописцах: “Проклят творяй дело Божие с небрежением” (то есть тот, кто отошел от иконографического канона). “Послание” преподобного Иосифа Волоцкого также предостерегает от создания новой иконографии, противоречащей содержанию христианских религиозно-философских догм. Однако в отличие от категоричных положений Стоглава оно предоставляет художнику возможность творить, повинувшись божественному вдохновению, “того ради умом водворитися к Богу”.

Созданные в 1502 году Дионисием и его чадами ферапонтовские росписи, сохранившиеся до наших дней, в полной мере об-

*Богоматерь "Одигитрия". Икона Дионисия (1502–1503 гг).
Санкт-Петербург, Государственный Русский музей*

ладают той впечатляющей силой, которая приоткрывает невыразимую глубину Божественной идеи. Образы, запечатленные во фресках собора Рождества Богородицы, рождают не только богословские размышления — они влекут к внутреннему очищению, зовут к нравственному совершенствованию.

Дионисий создал целое направление в русской живописи. Его знаменитыми последователями стали прежде всего его сыновья. Феодосий с братьями Владимиром и Андреем в 1508 году расписали Благовещенский собор в Московском Кремле. Среди иконописцев, работавших с Дионисием и его детьми, описи называют Ивана Дерму – сына Ярца, Петра Тучкова, Михаила Елина, Даниила Можайского, Вассиана и Досифея Топорковых, Михаила Конины – сына Кони, писавшего совместно с Дионисием, Тимофеем и Ярцом в 1481 году иконы для иконостаса Успенского Кремлевского собора. Некоторые из названных мастеров упоминались впоследствии как “писцы великого князя”, однако сам Дионисий к придворным иконописцам не принадлежал.

Талант Дионисия высоко оценивался современниками. Не случайно и составитель “Волоколамского патерика” называет его “мудрым”. О глубине богословских познаний Дионисия, о неординарности его творческого мышления красноречивее всего свидетельствует состав ферапонтовских фресок, изучение которого только начинается.